Наталья Князева

КНИГА 3.
«КОЛОВРАТ. ПРАВЬ»

18+

Наталья Князева

КНИГА 3. «КОЛОВРАТ. ПРАВЬ»

«Автор»
2026

Князева Н.

КНИГА 3. «КОЛОВРАТ. ПРАВЬ» / Н. Князева — «Автор», 2026

Врата открыты. Чтобы закрыть их навсегда, Наталья должна подняться в Правь и уничтожить осколок. Но она не знает, что цена — её зрение. Вместе с Артемием, Дарьей и Виктором она отправляется в последний путь. На пути её ждут три порога: прощение (Тёмный волхв), отпускание (Дарья) и любовь (Артемий). В финале она встречает Род, уничтожает осколок, теряет зрение и становится обычной. Врата закрываются. Тёмный волхв отдаёт себя, чтобы удержать их. Сергей Петрович умирает, увидев то, что искал. Андрей уходит в Навь. Наталья возвращается домой слепой, но счастливой. Она живёт с Артемием, помогает людям, а Дарья становится психологом и матерью.

© Князева Н., 2026
© Автор, 2026

Наталья Князева
КНИГА 3. «КОЛОВРАТ. ПРАВЬ»

ПРОЛОГ.

Сочи. 12 сентября 2026 года.

Запах полыни был первым, что она почувствовала.

Он пробрался в комнату сквозь щель в окне — горький, сухой, знакомый до боли. Так пахло в бабушкином доме. Так пахло детство. Так пахла дорога к звёздам.

Наталья открыла глаза. Потолок был серым — рассвет только начинался. Она лежала, глядя в потолок, и ждала, когда запах уйдёт. Он не уходил.

Она села. Осколок на тумбочке был холодным. Не тёплым, как обычно, не живым — холодным. Она взяла его в руку, и он не отозвался. Просто лежал в ладони — тёмный, тяжёлый, чужой.

Марс стоял у двери. Шерсть на его загривке была дыбом. Он не рычал. Он смотрел.

— Что? — спросила Наталья.

Пёс повернул голову к окну. За стеклом, в сером утреннем свете, над морем висела точка. Холодная. Серебристая. Почти невидимая.

Комета Атлас. Она вернулась.

Нет. Она никогда не уходила.

Наталья подошла к окну. Осколок в её руке был холодным. В его глубине — она видела это даже сквозь стекло — пульсировала новая линия. Не серебристая, как раньше. Тёмная. Как будто кто-то провёл углём по белой бумаге. Линия двигалась не как свет, а как тень, ползущая по стеклу изнутри, — медленно, тяжело, как будто внутри осколка билось второе сердце. Чужое.

Она сжала осколок. Он не отозвался.

Телефон зазвонил.

Она ответила, не глядя на экран.

— Наталья Сергеевна? — Голос был низким, хриплым, но в нём звучала та же уверенность, которую она помнила. — Это Артемий.

Она замерла.

— Вы умерли.

— Я жив. — Пауза. — Я не знаю, как. Я просто... выжил.

Три слова. Разрывающие тишину. И тысячи вопросов, которые он не сможет — или не захочет — задать вслух. Даже себе.

— Где вы? — спросила она.

— На Алтае. У Хранительницы. — Он помолчал. — Она выходила меня. Два месяца. Я вернулся вчера.

— Почему вы не позвонили раньше?

— Потому что не был уверен, что вы захотите меня слышать. — Пауза. — И потому что не был уверен, что вы живы.

Наталья закрыла глаза. В её памяти всплыло лицо Артемия — бледное, измождённое, с повязкой на боку. Того, кого она оставила на Алтае. Того, кого считала мёртвым.

— Что случилось? — спросила она.

— Врата открываются снова. — Его голос стал жёстче. — Кто-то их открывает. Не Андрей. Не Тёмный волхв. Кто-то из наших.

— Из наших?

— Тот, кто был с нами с самого начала. Тот, кто знает всё. Тот, кто боится умереть, не узнав правды.

Наталья молчала.

— Вы знаете, о ком я, — сказал Артемий.

— Сергей Петрович.

— Я не уверен. Но я проверю. — Пауза. — Приезжайте в Новгород. У кремлёвской стены. Через два дня. И привезите осколок. Тот, что у вас. Мы должны закрыть врата. Навсегда.

Она сбросила звонок и посмотрела на осколки. Она сжала осколок и посмотрела на два других. Те, что она нашла в первую зиму. Они лежали в шкатулке — тёмные, тяжёлые. И молчали. С тех пор, как Артемий перешёл, они не отзывались. Как будто их свет ушёл вместе с ним. Как будто остался только один. Тот, который работал.

Марс подошёл к ней и ткнулся носом в ладонь. Его глаза были спокойными. Он знал.

— Мы едем, — сказала Наталья.

Она не сказала ему главного.

Не сказала, что осколок холодный. Что комета вернулась. Что тёмная линия на стекле ведёт не наружу, а внутрь — к тому, кто рядом.

Она не сказала, потому что боялась. Не за себя. За него. За Артемия, который выжил, но не мог объяснить, как. За человека, который вернулся из Нави, но не принёс с собой ответов.

Она слышала это в его голосе. В паузах. В том, как он замирал перед словами «Я просто... выжил». Как будто слова рассыпались, не складываясь во фразу. Как будто кто-то забирал их обратно.

Наталья знала это чувство. Она сама теряла слова. Когда осколок забирал память. Когда цена становилась слишком высокой. Когда ты платил — и не мог объяснить, за что.

Артемий заплатил. Она не знала чем. Но она знала: он не мог рассказать. Не потому что не хотел. Потому что не мог.

И это было хуже всего.

Артемий не мог сказать, как выжил. Дарья хотела знать, как выжить дальше.

Она позвонила через час.

— Мам? — Голос был сонным, но в нём уже звучала та настороженность, которая появлялась у неё всегда, когда что-то было не так. — Ты чего не спишь?

— Артемий вернулся.

Пауза. Долгая.

— Он же умер.

— Он выжил. — Наталья помолчала. — Он не может объяснить, как.

— Что значит «не может»?

— Не знаю. — Наталья сжала телефон. — Но он **не врёт**. Я слышу.

Дарья молчала. Наталья слышала, как она дышит — ровно, глубоко. Как она думает.

— Я приеду, — сказала Дарья. — Завтра.

— Дарья...

— Я приеду, мама. — Голос был твёрдым. — Я должна знать.

Наталья закрыла глаза. «Я должна знать». Это была не просто фраза. Это была **она**. Дарья. Её дочь. Та, которая **не умела** иначе.

— Хорошо, — сказала Наталья. — Приезжай.

Она сбросила звонок и посмотрела на осколок. Тёмная линия пульсировала — медленно, глубоко, как второе сердце. Чужое.

Где-то в глубине — за линией, за тьмой, за холодом — она чувствовала **его**. Артемия. Живого. Но **не того**. Изменившегося. Заплатившего **цену**, которую она **не могла** увидеть.

Она не знала, что ждёт их впереди. Но знала: это **последний** путь. И она должна пройти его **до конца**. С ним. С Дарьей. Со всеми.

Марс поднял голову. Посмотрел на неё. И тихо, едва слышно, заскулил.

— Я знаю, — сказала Наталья. — Я тоже боюсь.

ГЛАВА 1. ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

очи. 13 сентября 2026 года.

Ольга пришла в девять утра — раньше, чем Наталья успела допить чай.

Она стояла на пороге, сжимая сумку обеими руками, и её лицо было серым, как утренний туман за окном. Лет пятидесяти, в строгом пальто, с заколкой в волосах — такой же, какие носила бабушка. Наталья сразу поняла: эта женщина не верит в карты. Она пришла, потому что больше некуда.

— Проходите, — сказала Наталья. — Чай будете?

— Нет. — Женщина села на краешек стула. — Я ненадолго. Мне сказали, вы... помогаете.

— Кто сказал?

— Соседка. Она говорила, что вы видите... — Женщина запнулась. — Что вы видите то, чего не видят другие.

Наталья села напротив. Марс лежал у её ног, положив голову на лапы, и его глаза были устремлены на гостью. Он не рычал. Он просто смотрел.

— Как вас зовут?

— Ольга. — Женщина сжала сумку крепче. — Ольга Петровна. У меня сын... пропал. Три года назад. Я пришла, чтобы вы сказали, где он. Жив он или...

Она не договорила. Наталья и так знала.

Она достала карты — старую колоду, потрёпанную, с золотым обрезом. Бабушкину. Разложила на столе. Линии проступили сразу — серебристые, тонкие, как паутина. Они тянулись от карт к женщине, от женщины к двери, от двери — в никуда.

Наталья смотрела на них. Долго. Потом сказала:

— Он жив.

Ольга подалась вперёд.

— Где он?

Наталья молчала. Линии вели в тупик. Они не показывали места. Они показывали **пустоту**. Сын Ольги был жив, но он был **не здесь**. Он был **нигде**. Между мирами.

— Я не знаю, — сказала Наталья.

— Но вы же видите! — Ольга сжала край стола. — Соседка говорила...

— Соседка ошибалась. — Наталья убрала карты. — Я вижу линии. Но линии не всегда ведут к ответу. Иногда они ведут к тому, что мы не готовы принять.

Ольга смотрела на неё. Долго. Потом сказала:

— Значит, вы не можете помочь.

— Могу. — Наталья взяла её за руку. — Но не так, как вы думаете. Ваш сын жив. Он не там, где вы его ищете. Он **между**. И он вернётся. Когда придёт время.

— Когда?

— Я не знаю. — Наталья помолчала. — Но он вернётся.

Ольга ушла через час. Она не поблагодарила. Она просто встала и вышла, и её шаги стихли на лестнице. Наталья осталась сидеть за столом, глядя на карты.

Она **не помогла**. Она сказала правду — но правда не принесла облегчения. Она принесла **ещё больше вопросов**. Линии разделяли их — Ольгу и Наталью. Ольга хотела ответ. Наталья могла дать только **направление**. Но направление — не ответ.

Марс подошёл к ней и ткнулся носом в ладонь. Наталья погладила его.

— Я не знаю, зачем мне это, — сказала она. — Я вижу линии. Но я не могу **помочь**. Я могу только **сказать**.

Марс смотрел на неё. Он не понимал слов. Но он понимал **её**. И этого было достаточно.

Артемий приехал в полдень.

Она услышала шаги на лестнице — ровные, неторопливые, но **другие**. Не такие, как раньше. Раньше он ходил тяжело, будто каждый шаг отдавался болью в боку. Теперь — легче. Но в этой лёгкости было что-то **не то**. Как будто он **привык** к боли. Как будто она **стала** частью его.

Он стоял на пороге, и Марс не рычал. Он просто смотрел.

— Вы вернулись, — сказала Наталья.

— Я вернулся. — Он шагнул в дом. — Я должен был. Круг не завершён.

— Вы говорили это по телефону. — Наталья закрыла дверь. — Что ещё?

Артемий прошёл в гостиную, сел на диван. Он двигался иначе — не как человек, который боится, что его рана откроется. Он двигался как человек, который **знает**, что рана зажила. Но **не знает**, чем **заплатил** за это.

— Я был в Нави, — сказал он. — Не так, как вы. Я **перешёл**. Я видел тех, кто ждёт. Вашу бабушку. Вашу маму. Они сказали мне, что круг не завершён.

— Почему?

— Потому что кто-то открывает врата. — Артемий помолчал. — Снова. И на этот раз — навсегда.

Наталья села напротив.

— Кто?

— Я не знаю. Но я знаю, что это кто-то из наших. — Он посмотрел на неё. — Тот, кто был с нами с самого начала. Тот, кто знает всё. Тот, кто боится умереть, не узнав правды.

Наталья нахмурилась.

— Сергей Петрович?

— Я не уверен. — Артемий покачал головой. — Но я проверю.

— Почему вы вернулись? — спросила Наталья. — Не в Новгород. Не к вратам. Ко мне.

Артемий смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Потому что я нужен. Тебе.

— Кому ещё?

— Не знаю. — Он улыбнулся, и улыбка была тёплой. — Но я узнаю.

Она не спросила, как он выжил.

Не потому, что не хотела знать. Потому что **видела**: он **не может** сказать. Каждый раз, когда он пытался объяснить — в телефонном разговоре, сейчас, когда она смотрела на него, — слова **рассыпались**. Он начинал фразу — и **обрывал** её. Или **менял** на другую. Или просто **молчал**, глядя в сторону.

Наталья знала это чувство. Она сама **теряла** слова. Когда осколок забирал память. Когда цена становилась слишком высокой.

Артемий **заплатил**. Она не знала **чем**. Но она знала: он **не может** рассказать. Не потому что **не хочет**. Потому что **не может**.

И это было хуже всего.

Телефон зазвонил через час.

— Наталья Сергеевна? — Голос Виктора был сухим, деловым. — Это Виктор. У меня новости. Плохие.

— Говорите.

— Из музея в Новгороде украли рукопись. Ту самую, которую мы нашли в Киеве. Хранитель мёртв. Но не убит. Сердечный приступ. — Пауза. — На стене — символ. Коловрат. Но **не вырезан**. **Нарисован**. Углём.

Наталья сжала телефон.

— Это не Андрей. Андрей вырезал. Этот — рисует.

— Я знаю. — Виктор помолчал. — Это кто-то другой. Кто-то, кто **знает** ритуал, но **не верит** в него. Он **играет**.

— Где вы?

— В Новгороде. У музея. Приезжайте.

Наталья сбросила звонок и посмотрела на осколок. Он лежал на столе, и в его глубине пульсировала тёмная линия. Она вела **не наружу**. Она вела **внутрь**. К тому, кто был **рядом**.

— Что? — спросил Артемий.

— Кража. — Наталья взяла осколок. — Рукопись украли. Хранитель мёртв. Символ на стене — нарисован, а не вырезан.

Артемий поднялся.

— Тогда мы едем в Новгород.

— Мы? — Наталья посмотрела на него. — Вы только что вернулись.

— Я вернулся, чтобы быть рядом. — Он встретил её взгляд. — Я не уйду.

Марс поднялся с места и подошёл к двери. Он ждал.

Вечером Наталья сидела на балконе.

Море дышало ровно, спокойно. Комета Атлас висела над горизонтом — холодная, серебристая, почти невидимая. Она **не уходила**. Она **ждала**.

Наталья смотрела на осколок. Тёмная линия пульсировала — медленно, глубоко, как второе сердце. Чужое.

Она не знала, что ждёт их впереди. Но знала: это **последний** путь. И она должна пройти его **до конца**. С ним. С Дарьей. Со всеми.

Марс подошёл к ней и ткнулся носом в ладонь. Она погладила его.

— Мы справимся, — сказала она. — Мы всегда справлялись.

Марс смотрел на неё. И в его глазах было что-то — не понимание. **Знание**. Он знал, что она **права**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.